Татьяна Волынец

Грамматические проблемы художественного перевода

Studia Rossica Posnaniensia 32, 109-116

2005

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

MUZEUM HISTORII POLSKI

STUDIA ROSSICA POSNANIENSIA, vol. XXXII: 2005, pp. 109-116. ISBN 83-232-1609-6. ISSN 0081-6884.
Adam Mickiewicz University Press, Poznań

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

GRAMMATICAL PROBLEMS OF LITERARY WORKS TRANSLATION

ТАТЬЯНА ВОЛЫНЕЦ

ABSTRACT. The article considers the problem of the search for grammatical correlations in translation of genetically close languages (from Belarussian into Russian). The main trends of grammatical unit and structure transformations used by translators are determined and characterized. The author distinguishes and discusses three types of these transformations: 1) grammatical adaptation; 2) objective grammatical correlations, and 3) subjective grammatical correlations.

Татьяна Волынец, Белорусский государственный университет, Минск – Беларусь.

Художественный перевод – явление многоуровневое и потому чрезвычайно сложное и противоречивое. Все пространство между исходной точкой (текстом-оригиналом) и результатом переводческого творчества (текстом-переводом) занимает процесс „перевыражения" (А.С. Пушкин) жизни, мыслей и эмоций, отраженных в образной ткани переводимого произведения. В отличие от научного перевода, который требует максимальной точности в передаче смысла, художественный перевод должен стремиться к неискаженной образности текста-оригинала. По сути своей художественный перевод адекватен художественному творчеству, в процессе которого происходит сознательный отбор языковых единиц (слов, фразеологизмов, грамматических форм, словосочетаний, предложений) и оформление их в соответствии с авторскими интенциями и законами жанра.

Особой формой художественного перевода является перевод поэтического текста. Стихотворная форма, звукопись, ритмика, мелодика, система рифмования – все эти неизменные спутники поэзии создают определенные трудности для переводчика, поскольку успех перевода поэтического текста определяется соответствием не только содержания, но и поэтической формы. Важно, чтобы перевод сохранил эмоциональность и настроение текста-оригинала, и абсолютно несущественно, какими средствами достигнет этого переводчик, сохранит ли он ясно уловимую речевую эквивалентность или использует собственные ресурсы языка перевода. Не случайно Н. Заболоцкий, говоря о сущности поэтического перевода, замечает, что результатом переводческой деятельности в данном случае являются произведения, в которых не повторяется то, что сказано в оригинале, но даются мотивы, по которым это сказано. По-

добный интуитивно-интерпретационный подход к переводу поэтических текстов заманчив, он предоставляет неограниченную свободу переводчику, превращает его в со-творца художественного произведения, но в то же время, как считает Ж. Дарбельне, ведет к субъективизму, проявлению индивидуализма и творческого вымысла[1]. Чтобы избежать этого, переводческая деятельность должна опираться на глубокое знание лингвистических моделей языков, используемых в процессе перевода, и ориентироваться на смысловое соответствие текста-перевода и текста-оригинала. При переводе в первую очередь должны решаться определенные коммуникативные задачи, поэтому, если переводчик стремится к адекватному перенесению художественного произведения с одного языка на другой, он должен сосредоточиться на смысле[2]. Константа перевода – это то, что автор хотел сказать читателю, авторская мысль, заложенная в произведении и требующая к себе бережного отношения. Переменной величиной перевода является весь корпус языковых средств (лексических, фразеологических, грамматических и стилистических), с помощью которых осуществляется трансляция содержания художественного произведения на другом языке. При „переходе от одного языка к другому мысль и структура не обязательно остаются связанными"[3], и компетентность переводчика как раз и проявляется в умении выбрать из множества способов и вариантов описания единственно возможные, адекватно отражающие на другом языке смысл исходного текста, но позволяющие при этом избежать его калькирования и появления в нем лексических и синтаксических буквализмов.

Цель настоящей статьи – проанализировать и охарактеризовать с точки зрения коммуникативной и прагматической целесообразности грамматические трансформации, используемые при переводе на русский язык белорусскоязычных поэтических текстов.

Выбор языковых единиц и установление границ их трансформации при переводе – проблема очень сложная и ответственная. Чтобы успешно решить ее, переводчик должен ориентироваться на объективно существующие соответствия между языками, на системные межъязыковые корреляции, равноценные в смысловом и функциональном отношении. На первый взгляд, кажется, что легче всего данная проблема решается при переводе с близкородственных языков, подчинявшихся и подчиняющихся в своем развитии единым законам. Однако это не так. С одной стороны, близость языков действительно облегчает труд переводчика: нередко для достижения художественной адекватности, как справедливо замечает В.П. Рагойша, не нужно подыскивать русские лексические соответствия к оригинальным и сложным для перевода белорусским

---

[1] I.L. Darbelnet, *La specialization et l'enseignement de la traduction*. В: *La Traduction, une profession*, Ottawa 1978, с. 189–197.

[2] D. Seleskovitch, M. Lederer, *Interpreter pour traduire*. В: *Collection "Traductologie"*, Paris 1984.

[3] I.L. Darbelnet, указ. соч., с. 193.

словам либо коренным образом менять грамматические формы и синтаксические конструкции, но с другой стороны – перевод с близкородственных языков имеет ряд специфических трудностей, с которыми, как правило, не сталкиваются перводчики с английского, французского, итальянского и немецкого языков. Генетическая близость фонетических, лексических, грамматических систем русского и белорусского языков предполагает не только сходства, но и различия, о которых переводчики часто забывают, поскольку на фоне однотипных языковых единиц и конструкций особенности языка перевода и языка оригинала стираются, границы между языками оказываются размытыми. В результате тексты переводов с близкородственных языков часто грешат слепым копированием грамматических структур, неоправданной фонетической адаптацией, смешением межъязыковых омонимов и т.д.[4]

Грамматические системы русского и белорусского языков предоставляют большие возможности для адекватного преобразования грамматического облика белорусскоязычного поэтического текста и перевода его на русский язык. В результате взаимных влияний и параллельного развития в арсенале грамматических средств обоих языков накопилось большое количество тождественных грамматических форм и конструкций, сформировалась богатая и хорошо развитая система грамматических синонимов, что обеспечивает большой выбор межъязыковых грамматических эквивалентов, не всегда одинаковых по форме, но передающих одно и то же содержание.

Как показывает исследованный нами материал[5], подбор равноценных функциональных соответствий при грамматическом оформлении текста, переводимого с белорусского на русский язык, осуществляется в трех направлениях.

I. **Грамматическая адаптация**: переводчик полностью сохраняет грамматический строй текста-оригинала, буквально повторяя и воспроизводя все его грамматические особенности. Сравните:

Тексты-оригиналы:	Тексты-переводы:
1. *Над ракой, што прабягае* *Праз далёкае маленства* *І забытыя легенды,* *Неяк зноў спыніўся я.* (М. Танк, *Над ракой*)	1. *Над рекой, что пробегает* *Сквозь цветные сказки детства* *И мои воспоминанья,* *Вновь остановился я.* (Перевод Я. Хелемского)
2. *Радзіма мая дарагая,* *Ты ў шчасці жаданым жыві:* *Я сэрцам табе прысягаю* *У шчырай сыноўняй любві.* (А. Бачыла, *Радзіма мая дарагая*)	2. *Отчизна моя дорогая,* *Ты в счастье желанном живи:* *Я сердцем тебе присягаю* *В глубокой сыновней любви.* (Перевод В. Тараса)

[4] В.П. Р а г о й ш а, *Проблемы перевода с близкородственных языков*, Минск 1980, с. 61–66.

[5] Выборка материала осуществлялась из книг: Я. К у п а л а, *Санеты: на бел., англ., ісп., ням., пол., рус., укр., фр. мовах*, Мінск 2002, с. 271; *Мой родны кут. Вершы беларускіх паэтаў аб роднай прыродзе на беларускай і рускай мовах*, Мінск 1987, с. 237.

Подобный буквальный перевод белорусских поэтических текстов – явление не такое уж редкое, однако встречается он обычно на уровне строф или строк. Полная грамматическая адаптация отмечена примерно в 55% проанализированных нами поэтических текстов. Буквализм в переводческой практике обычно не приветствуется, однако при переводе с близкородственных языков при крайней степени близости языковых систем[6] он является вынужденным[7] и в какой-то степени даже полезным. Грамматическая адаптация текста, как правило, сочетается с фонетической, и это помогает переводчику не только сохранить грамматическую структуру, заданную подлинником, но и воспроизвести метрическую форму, точно передать ритм поэтического произведения, т.е. в полной мере воссоздать те элементы формы, которые „образуют скелет поэтического смысла"[8] и обладают как содержательной, так и эстетической ценностью. В результате мы получаем текст перевода без потерь в содержании и в форме.

II. **Объективные грамматические трансформации**: переводчик допускает грамматическое преобразование текста-оригинала в соответствии с требованиями грамматической системы языка перевода и достигает при этом определенной функциональной и содержательной эквивалентности текста перевода тексту оригинала. Сравните:

Текст-оригинал:	Текст-перевод:
Няспелая постаць шчаслівых пасеваў *За вёскай, на сонным лясоў рубяжы,* *Ссівелы ўжо колас схінула к мяжы* *У сумным* ***шаптанні****: „Дзе, жнеі мае, вы?"* *І жнеі сышліся. – Направа, налева* ***Кладучы*** *ў снапы каласы-старажы,* *Зашасталі глуха сярпы, як нажы,* *Пад жніўныя вечна старыя напевы.* *Спагадная, нудная песня плыве,* ***Губляючы*** *ў пушчы свае пералівы,* *У шэлестах белага коласу нівы.* *Плыве гэта песня ка мне і заве,* *І ў сэрцы звініць, як каса ў траве:* *„Ты так жа, брат, сееш... А дзе тваё жніва?"* (Я. Купала, *Жніво*)	*Созревшие тени счастливых посевов* *За сонным селом, где лесов рубежи,* *Всё* ***шепчут*** *печально у самой межи:* *„Куда вы поделись, жнеи мои, где вы?"* *И жницы явились... направо, налево* ***Ложатся*** *снопы поседевшие ржи,* *И шаркают глухо серпы, как ножи,* *Под старые, вечные наши напевы.* *Участливо грустная песня плывёт* *И в шелесте светлого колоса нивы* *И в пуще* ***теряет*** *свои переливы.* *И сердце косою звенит и поёт,* *В траве не смолкая весь день напролёт:* *„Ты тоже, брат, сеешь... А где ж твоё жниво?"* (Перевод Н. Кислика)

[6] А.Е. Супрун, *Лингвистические основы изучения грамматики русского языка в белорусской школе*, Минск 1974, с. 11.

[7] Э.М. Мартынава, *Беларуска-украінскі паэтычны ўзаемапераклад*, Мінск 1973, с. 22.

[8] О.А. Алякринский, *Поэтический текст и поэтический смысл*. В: *Тетради переводчика*, вып. 19, Москва 1982, с. 20–32.

Допущенные переводчиком грамматические трансформации (*у сумным шаптанні → шепчут*; *кладучы ў снапы → ложатся снопы*; *губляючы ў пушчы свае пералівы → и в пуще теряет свои переливы...*) естественны и закономерны, они позволяют сохранить инвариант содержания поэтического текста, поскольку белорусские и русские грамматические конструкции семантически и функционально равнозначны. Их равнозначность обусловлена внутрисистемными отношениями, свойственными как для русского, так и для белорусского языков, – семантической связанностью синтаксических дериватов с производящим словом и синтаксической синонимией деепричастных и предикативных конструкций.

Объективные грамматические трансформации, встречающиеся при переводе на русский язык белорусских поэтических текстов, достаточно разнообразны.

Бел.: ***Няма*** *для духа вольнага граніцы,* ***меры*** (Я. Купала, *Чаму?*) → рус.: *Дух человеческий бесстрашен и* ***безмерен***. – Безличная конструкция при переводе заменяется личной и двусловная единица в ее составе заменяется однословной.

Бел.: *А лес* ***маўчыць*** *– яму, без мовы, Як называць вясну вясной* (А. Куляшоў, *Ужо даўно абрус зімовы...*) → рус.: *Но лес,* ***лишенный дара слова****, Как назовёт весну весной?* – Синтаксическая конструкция белорусского текста упрощается в результате семантического и грамматического развертывания обособленного обстоятельства *без мовы* в причастный оборот *лишённый дара слова*.

Бел.: *Свет абуджае кукаванне, на поўнач гонячы зіму* (А. Куляшоў, *Ужо даўно абрус зімовы...*) → рус.: *Мир, пробужденный зовом ранним, На север гонит стынь и тьму...* – Грамматическое преобразование фразы, изменение в ней роли предикативных и атрибутивных глагольных форм – явление, весьма распространенное при русско-белорусском взаимопереводе[9], его частотность объясняется двумя факторами: 1) ограниченностью функционирования причастных и деепричастных форм в белорусском языке и 2) межъязыковым характером синтаксической синонимии конструкций с предикативными и атрибутивными глагольными формами.

Бел.: *А калі на рабіну Наніжаш пляцёнкі караляў, Журавіныя лямпачкі У імхах пазапальваеш ты...* (Я. Сіпакоў, *Споведзь*) → *А когда на рябину нарядные бусы нанижешь, Словно лампочки, клюкву Во мхах, на болотах зажжёшь...* – Стремясь к максимальной смысловой близости перевода к ориги-

---

[9] Подробнее см. об этом: М.И. К о н ю ш к е в и ч, *Словесная и фразовая номинация в русско-белорусском взаимопереводе*, „Русский язык" 1984, № 3, с. 35–47; М.А. К о р ч и ц, *Об эквивалентности перевода аналитических номинаций типа деепричастие-связка + инфинитив*, „Русский язык" 1992, № 123, с. 27–35; Т.Н. В о л ы н е ц, *Рускія дзеепрыметнікі і іх камунікатыўныя эквіваленты ў беларускамоўных тэкстах*, „Веснік БДУ. Серия IV" 1993, № 3, с. 50–57.

налу, переводчик вводит в русский текст сравнительный оборот, который эксплицирует содержание метафорического образа исходного текста. Подобная грамматическая корреляция вполне допустима, поскольку в основе данной метафоры лежит сравнение.

Бел.: *Вучыў мяне лес пазнаваць Прыгоства, суладнасць і чары прыроды, Дзе птаства спраўляе штогод карагоды, Дзе тояць крыніцы празрыстыя воды Для рэчак, каб край умываць* (Я. Колас, *Лясам Беларусі*) → *Учил меня лес понимать Великие песни и думы природы, Весенних пернатых пиры, хороводы, Криниц потаенных прозрачные воды, Рожденных, чтоб край умывать...* – Редукция сложной синтаксической конструкции (замена трех предикативных частей двумя) приводит к упрощению синтаксической структуры текста перевода по сравнению с текстом оригинала, однако не нарушает их смыслового тождества.

III. **Субъективные грамматические трансформации**: переводчик произвольно, без опоры на внутриязыковые системные соответствия, изменяет грамматический облик текста-оригинала, при этом в новой языковой форме появляется новое содержание, что приводит к разрушению смыслового единства текста оригинала и текста перевода. В этом отношении интересен и весьма показателен перевод сонета Я. Купалы *У змроку*. Сравните:

Текст-оригинал:	Текст-перевод:
Думаць люблю я ўвечары ў змроку, *Свет апране калі чорныя строі,* *Зорка глядзіць у акенца малое, –* *О, тады мыслі ўзлятаюць высока!* *Мары душу апаноўваюць роем* *Аб маёй долі, чарнейшай ад змроку.* *Хоць сваё сэрца нячуласцю ўзброю,* *Часта сляза набяжыць мне на вока.* *Мару й чакаю чагосьці мо болей?* *Сам адказаць я на гэта павінен...* *Лепшае, здэцца, нейкае долі.* *Шчасце мяне калі ж не адкіне,* *Як жа пазбудуся смутку і болю?* *Хіба ў магіле – ў глухой дамавіне?..*	*Люблю рожденье звёзд над смолкнувшей долиной,* *Когда остатки дня преодолел закат.* *Гляжу в окно на очертанья хат,* *И так мила мне милая картина.* *И полнится душа мечтой одной-единой,* *Чтоб долю одолеть, которой сам не рад.* *И сам собою увлажнится взгляд, –* *Нет, горестной судьбы я с плеч не скину.* *Чего ж я жду, чего? О чем мечтаю?* *Умаялся, томлюсь, изнемогаю,* *Таща такую ношу на горбу.* *Спасения не жду, добра не чаю.* *А только, – раньше времени, – я знаю,* *Покой наступит в ледяном гробу.* (Перевод Н. Кислика)

Грамматическая трансформация первой строфы сонета – перераспределение субъектно-объектных отношений (*думаць люблю я → люблю рожденье звёзд*; *зорка глядзіць у аконца малое → гляжу (я) в окно...*), замена восклицательной конструкции повествовательной (*О, тады мыслі ўзлятаюць высока → И так мила мне тихая картина*) – сразу задает купаловским строкам иное смысловое содержание и снижает их эмоциональную тональность. Грамматическое преобразование второй строфы – замена простой предикативной кон-

струкции сложной (*Мары душу апаноўваюць роем Аб маёй долі, чарнейшай ад змроку → И полнится душа мечтой одной-единой, чтоб долю одолеть, которой сам не рад*), использование формы единственного числа существительного *мечта* вместо исходной формы множественного числа (*мары*) – в еще большей степени отдаляет содержание перевода от подлинника. Начало третьей строфы трансформируется (одна вопросительная конструкция заменяется двумя), но подобное преобразование объективно по своей сути: форма видоизменяется, а смысл, заключенный в ней, сохраняется. Вторая и третья строка третьей строфы представляют собой скорее лексико-грамматическую трансформацию: первично здесь, на наш взгляд, семантическое преобразование, которое требует иной грамматической формы. И, наконец, исключение из последней строфы двух вопросительных конструкций, замена их повествовательным предложением, осложненным вставной конструкцией с утвердительной модальностью (*Шчасце мяне калі ж не адкіне, Як жа пазбудуся смутку і болю? Хіба ў магіле – ў глухой дамавіне?... → Спасения не жду, добра не чаю. А только, – раньше времени, – я знаю, Покой наступит в ледяном гробу*) окончательно разрушает смысловое единство текста оригинала и текста перевода. Лирический герой купаловского сонета – романтический мечтатель, который думает, размышляет, ставит вопросы, но не дает на них окончательных ответов. Лирический герой перевода – утомленный и измученный жизнью человек, который все понял, все постиг и знает, что ждет его впереди, где обретет он желанный покой. Неудачно, кстати, трансформирован и заголовок сонета: вместо предложно-падежной формы оригинала (*У змроку*, буквально – во мраке) переводчик использовал односоставное безличное предложение, формально представляющее собой часть незаконченного сложноподчиненного (*Когда повечереет*). В результате заголовок утратил заложенный в него автором семантический синкретизм – возможность прямого и переносного прочтения.

Иногда семантическое единство текста оригинала и текста перевода оказывается разрушенным из-за перемещения содержания в иные временные рамки. Стихотворение П. Бровки *Дзень добры* переведено И. Шкляревским с максимальным сохранением лексического и синтаксического облика текста. Изменен только синтаксический рисунок первых строк первой строфы – *Няхай сабе, здаецца, можа, – Як прыязджаў дамоў не раз: – Дзень добры! – я шаптаў бярозам. – Дзень добры! – чулася ў адказ → Где босиком гонял по росам, земля ответит на привет. – День добрый! – я шепчу берёзам. – День добрый слышится в ответ* – и вместо глагольных форм прошедшего времени в текст перевода введены формы соответствующих глаголов со значением настоящего времени. Казалось бы, столь несущественные трансформации не могут существенно повлиять на смысл, однако в содержании текста перевода смысловые акценты оказываются несколько иными по сравнению с текстом оригинала. В стихотворении П. Бровки речь идет о тех чувствах и впечатлениях, которые лирический герой испытывал каждый раз, когда возвращался домой.

Перевод И. Шкляревского – это сиюминутная картинка возвращения к родным местам, формы настоящего времени придают ей выпуклость и осязаемость, но лишают ее повторяемости и протяженности во времени.

Все описанные нами разновидности грамматических трансформаций используются переводчиками в разной степени. Грамматическая адаптация редко встречается в чистом виде на всем текстовом пространстве, обычно она сочетается с объективными грамматическими трансформациями, и, как показывает наш материал, переводчики стремятся к точному воспроизведению грамматического облика текста обычно в сильных позициях (начало/конец стихотворения, начало/конец строфы). Преобразование грамматических единиц в этих позициях допускается только в тех случаях, когда грамматическая перестройка конструкции объективна по своей сути и не требует коренных изменений в лексическом оформлении текста. Любое субъективное вмешательство в грамматический облик исходного текста, особенно если оно допущено в начале или конце стихотворения, обычно приводит к коммуникативным несоответсвиям, что противоречит самой идее перевода.

Итак, при переводе с близкородственных языков переводчик располагает более широким спектром релевантных единиц и явлений, нежели при переводе с языков, относящихся к разным языковым семьям. Соответствия для единиц исходного языка относительно легко обнаруживаются на любом уровне (от фонемы до предложения) системы языка перевода. Однако и при переводе с близкородственных языков переводчик сталкивается с проблемой выбора одно- и разноуровневых функциональных эквивалентов. Составить инвентарь свойственных двум сопоставляемым языкам межъязыковых грамматических корреляций, адекватно передающих одно и то же содержание, описать их в функционально-прагматическом плане, создать динамическую систему переводческих соответствий – это задачи не только переводчиков, но и лингвистов. Решив их, мы реализуем основной принцип переводческой деятельности – стремление к тому, чтобы перевод был равноценен оригиналу.